

Цзи Саньмэй с лёгкостью заявил: «Для А Юнь я готов хоть целый день говорить приятные слова».

Шэнь Фаши же почувствовал, будто в голову ему закатился шарик, который, подпрыгивая и перекатываясь, разжигал в нём огонь раздражения. Единственным способом унять его было схватить этого ветреного человека и запереть подальше, чтобы больше ни с кем не заигрывал.

А Юнь заметила Шэнь Фаши раньше Цзи Саньмэя. Она моргнула, и в её глазах заблестели искорки, словно солнечные зайчики на воде. — Кто это? — спросила она.

Цзи Саньмэй обернулся, встретил взгляд Шэнь Фаши, но даже бровью не повёл. — Учитель, это А Юнь, — представил он.

Шэнь Фаши слегка кивнул, не проронив ни слова и не сделав лишнего движения.

А Юнь, немного испугавшись его, прижалась к Цзи Саньмэю и прошептала так, что Шэнь Фаши всё же расслышал:

— Братец, твой учитель очень красивый, только вот волос у него нет.

Цзи Саньмэй тут же рассмеялся во весь голос.

Шэнь Фаши, с каменным лицом и острым взглядом, сел в углу беседки, словно архат, сошедший с небес. А Юнь, будучи ребёнком, не умела читать выражения лиц и не уходила, продолжая болтать с Цзи Саньмэем, то и дело смеясь и прикрывая рот рукой:

— Ах ты какой плохой!

Цзи Саньмэй, подняв голову, заметил, что выражение лица Шэнь Фаши стало крайне странным: в нём смешались беспокойство, раздражение и злость. Но стоило ему моргнуть — и Шэнь Фаши снова превратился в неподвижную статую, настолько безупречную, что перед ней хотелось зажечь три благовония.

...Цзи Саньмэй не видел в этом ничего необычного. Раньше, когда они проводили время вместе, он часто обсуждал с Шэнь Фаши проходящих мимо девушек, отмечая их достоинства и строя планы, какую жену каждый из них мог бы взять в будущем. Шэнь Фаши же всегда был не в восторге от таких разговоров, часто злился и либо молча уходил, либо просто отворачивался.

Цзи Саньмэй не понимал, откуда у Шэнь Фаши такая принципиальность, ведь это были всего лишь слова, не требующие никаких обязательств. Но видеть, как он злится, было забавно, и позже Цзи Саньмэй даже специально заводил такие разговоры, чтобы насладиться его реакцией.

Теперь он был почти уверен, что Шэнь Фаши знает его настоящую сущность. Хотя он и не понимал, почему тот не раскрывает его секрет, это молчаливое соглашение между ними вызывало в нём и радость, и тревогу.

Радость от того, что Шэнь-сюн понимает его мысли. А тревога — от страха, что даже когда он вырастет, то не займёт места в его сердце, и все эти годы ожиданий и мечтаний окажутся напрасными.

...Впрочем, в душе Цзи Саньмэй уже одержал победу: даже если это всего лишь сон, он хотя бы мог мечтать.

Спустя много лет Цзи Саньмэй наконец понял, что все его фантазии были далеки от реальности. А Шэнь Фаши, после долгих поисков, нашёл способ вылечить его от ветрености.

Каждый раз, когда Цзи Саньмэй заигрывал с кем-то на стороне, Шэнь Фаши в постели проявлял вдвое больше усердия, доводя его до состояния, когда тот уже не мог остановиться. Но как только страсть достигала пика, Шэнь Фаши резко прерывал всё, заворачивался в одеяло и засыпал.

Хотя этот метод был болезненным для обоих, он оказался крайне эффективным в лечении легкомысленности Цзи Саньмэя.

Цзи Саньмэй и А Юнь провели вместе почти полдня, разделив миску лотосовых семян. Когда стало темнеть, А Юнь наконец собралась домой.

Её нежелание уходить раздражало Шэнь Фаши, хотя он и не замечал, как часто взгляд девочки украдкой останавливался на нём.

После её ухода Цзи Саньмэй подошёл с курительной трубкой:

— Учитель, табак кончился.

Недавно вернув себе свою золотую нефритовую трубку, Цзи Саньмэй курил всё чаще, словно это была его основная пища. Шэнь Фаши беспокоился, что это может привести к болезням лёгких, и, опасаясь, что вид курящего Цзи Саньмэя вызовет у него странные чувства, сделал вид, что у него нет табака, и холодно ответил:

— Нет.

Цзи Саньмэй приподнял бровь, развалился на коленях Шэнь Фаши и спросил:

— Учитель, как тебе А Юнь?

Шэнь Фаши ответил кратко:

— Хорошая.

Цзи Саньмэй слегка нахмурился, недовольный таким ответом:

— Она всё время говорила о тебе.

Шэнь Фаши подумал, что разговоры о нём и о ней — это одно и то же, поэтому промолчал.

Цзи Саньмэй продолжил:

— Она смотрела на тебя тридцать девять раз.

Шэнь Фаши сжал зубы, продолжая молчать.

Цзи Саньмэй сказал:

— Мне кажется, ты ей нравишься.

Шэнь Фаши решил, что Цзи Саньмэй снова начал говорить вздор, и продолжил молчать.

Они сидели в тишине, один на коленях у другого, оба наполненные ревностью. Наконец Цзи Саньмэй не выдержал и, сделав вид, что уступает, спросил:

— Учитель, как продвигается расследование о Сюй Тае?

Цзи Саньмэй был мастером отвлекать Шэнь Фаши от гнева, переключая его внимание на важные дела. Шэнь Фаши, хотя и знал его уловки, всё же успокоился и ответил:

— Всё ещё в процессе.

С самого начала Цзи Саньмэй чувствовал, что Сюй Тай странный. Несмотря на то что он был в расцвете сил и казался добродушным, его внезапная отставка и возвращение в родные края вызывали вопросы.

— У меня есть слух, учитель, хочешь услышать? — Цзи Саньмэй лежал на коленях Шэнь Фаши, любуясь линией его подбородка, и, когда тот наклонился, схватил его за воротник, притянул к себе и прошептал на ухо:

— Говорят, жена Сюй Тая — не человек.

Шэнь Фаши почувствовал, как по его телу разлился холод:

— Откуда ты это узнал?

— От А Юнь.

— А она откуда знает?

— Разве я не говорил? — Цзи Саньмэй усмехнулся. — А Юнь из семьи Лун.

Шэнь Фаши нахмурился:

— Тот самый мастер Лун, который занимался фэншуй в доме Сюй Тая...

Цзи Саньмэй кивнул:

— Её отец.

...Типично для Цзи Саньмэя — дружить только с теми, кто может быть полезен.

Шэнь Фаши спросил:

— Что ещё она сказала?

Миска лotosовых семян и полдня разговоров оказались достаточной платой, чтобы выудить из девочки всю информацию о её короткой жизни.

После сокращения и обработки полезной информации осталось всего около сотни слов.

Отец А Юнь, Лун Фэйань, был уроженцем правого берега реки Юньян. Он переехал сюда с женой десять лет назад.

Лун Фэйань пользовался большим уважением, знал фэншуй и умел изгонять духов, что делало его любимцем местных жителей.

И самое главное.

Семь лет назад Лун Фэйань тяжело ранил одного духа, и это сделало его знаменитым охотником на духов в районе Ичжоу.

Слова А Юнь были такими:

— Братец, мой отец восемь лет назад отрубил правую руку одному духу и до сих пор её хранит. Когда я услышала твоё имя, оно показалось мне знакомым. Теперь я вспомнила — оно такое же, как у того духа.

Что произошло летом восемь лет назад в Ичжоу, Цзи Саньмэй не знал. Но когда он впервые приехал в эту деревню, госпожа Ло вылила на него ведро холодной воды, и ненависть в её глазах была настоящей. Более того, тот факт, что женщина из глубины дома знала о его родимом пятне, был крайне подозрительным.

Конечно, это могло быть совпадением, но Цзи Саньмэй никогда не верил в совпадения.

По его мнению, совпадения — это чаще всего шутки людей. Судьба не настолько свободна, чтобы ждать где-то в засаде и неожиданно пугать.

— После того как Шэнь Фаши вытащил его из рабовладельческого логова и поселил в храме Цзюэми на несколько дней, господин Сюй обратился к нему с просьбой помочь с Призрачной колесницей, которая преследовала его сына.

<http://bllate.org/book/16281/1466199>